

ИЗОБРАЖЕНИЕ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ В «КНИГЕ О БЛАГОЙ ЛЮБВИ» ХУАНА РУИСА

*Ткачёва Анастасия,
старший преподаватель СамГИИЯ*

Ключевые слова: испанская средневековая литература, концепт, символ, восприятие, интерпретация.

Как известно, в средневековой культуре есть большая разница между реальностью и иллюзией, и эта разница проявляется прежде всего через религию. Это предполагает, что символы приобретают большую значимость: у любого явления есть скрытый смысл, и поэтому в произведениях средневековой литературы преобладает аллегорическое мышление. В этом смысле, Жак Ле Гофф отмечает: «Частичное наложение конкретного на абстрактное составляет фон структуры средневековой ментальности. Одна и та же страсть, одна и та же нужда заставляет колебаться между желанием найти истинную абстрактность внутри конкретного, и попытка воссоздать эту реальность скрывается за формой, которая воспринимается посредством чувств» (Ле Гофф, 1999: 301-302).

Внутри этой символической концепции мира находится устный характер культуры. Всё материализуется, поэтому, к примеру, животные в литературных произведениях обладают человеческими характеристиками. Все эти аспекты отражены в искусстве и литературе средневековья.

По этой причине, цель данной статьи состоит в том, чтобы показать, как задействованы символические элементы в одном из известнейших произведений испанской средневековой литературы, «Книге о благой любви» Хуана Руиса. Будут проанализированы различные эпизоды данного произведения, в которых участвуют смертные грехи, и как они представлены. Мотив выбора данной темы связан с важностью, которую представляют смертные грехи для средневековой ментальности, с учётом того, что всё телесное в то время

подавлялось, и из этого исходит дихотомия «конкретное-абстрактное». Тело превращается в объект контроля теологов, моралистов, религиозных деятелей, мыслителей и т.д., и таким образом появляется власть над человеком. Тем самым объясняется важность, которую приобретает празднование карнавала как способ выражения всех этих запретов.

В Средние Века, согласно Ле Гоффу, тело являлось местом парадокса, оно образно могло быть как тюрьмой, так и храмом. Средневековая метафизика воспринимает мир как центральную точку, где происходит борьба между добром и злом, и таким образом существуют три сферы: райская, где властвует добро, адская, где властвует зло, и мир, поле битвы между этими противоположными силами. Поэтому, философия этого периода подчиняется теологии, составляющей метафизику из этико-моральных пропорций, посредством которых каждый человек определяет свою судьбу. К этой структуре присоединяется ценность средневекового общества: индивид не существует сам по себе, а приобретает ценность в своей совокупности. Исходя из этого, христианство пользуется смертными грехами как методом группового влияния.

Э.Ойола сформулировал восприятие смертных грехов в средневековую эпоху таким образом: «Беспокойство за грехи и их последствие было универсальным. В том мире белого и чёрного наказывались пороки и восхвалялись достоинства. Так, понятие семи смертных грехов имело важное влияние на повседневную жизнь человека и определяло его поведение в быту» (Ойола, 1979:13).

В Средние века имелось несколько теологических произведений о грехах. Основным источником являлся Новый Завет, в котором представлены списки достоинств и пороков. Эти списки перешли в разговорную речь благодаря создателям эпических произведений 13 в. Другим основным материалом являются средневековые бестиарии. В них каждое животное является символом, несущим в себе догмы и христианскую мораль. Таким образом, как моральные достоинства человека, так и его слабости имеют соотношение в животном мире.

В средневековой испанской литературе, в произведениях, таких как «Песнь о моём Сиде», смертные грехи появляются в имплицитной форме. Например, они отражены в поведении персонажей – противников Сиды, и моральный урок, также имплицитный, заключается в наказании, которое они получают.

В «Книге о благой любви» Хуана Руиса грехи также имплицитны, а именно грех прелюбодеяния, который пробуждает «безумная любовь», и чревоугодия, связанного с ним. Оба этих порока представляют собой два телесных греха. Таким образом, автор Хуан Руис в прологе своей книги говорит, что его произведение служит как для тех, кто желает спасти свою душу, так и для тех, кто хочет узнать разные способы достижения этой «безумной любви» (Руис, 1988:110) - «*E desecharán e aborreszerán las maneras e maestrías mal asdello coamor, que fazeper der lasalmase caerensaña de Dios, apocando la vida edando mal afamae de shonrrae muchosdañosa los cuerpos. Enpero, por que es umanal cosa el pecar, si algunos, lo que non los conssejo, quisieren usar del loco amor, aqun fallarán algunas maneras para ello*»

Грехи также имплицитно заключены в эпизодах, таких как рассказ о пьяном отшельнике, который под искушением дьявола выпил вина и увидел сношение петуха и курицы, затем он решил имитировать это и напал на женщину. В Средние Века петух был солнечной

птицей, отпугивающей ночные опасности, но в то же время воплощением похоти, символом колдовства и сверхъестественных сил. Другой грех из произведения – высокомерие греков, которые возомнили себя интеллектуально выше, чем римляне (С.44-70). В этом эпизоде показывается двойственная природа жестов и важность невербального общения.

Однако, грехи появляются эксплицитно в трёх случаях: спор с доном Амуром, который олицетворяет любовь, раскаяние Мясодея и проповедь об оружии христианина. В первом эпизоде, Любовь появляется в доме персонажа архиепископа, который обвиняет ее в том, что она является переносчицей смертных грехов. Любовь побуждает к прелюбодеянию, «безумной любви», и поэтому приносит с собой и остальные грехи, которые перечисляет архиепископ. Возглавляет их алчность, основной грех, из которого исходят другие семь: высокомерие, жадность, похоть, зависть, обжорство, гнев и тщеславие, лицемерие: «*De todos los pecado es rraíz la cobdicia:/ ñstaestufijamayor, tumayordomaanbizia;/ éstaestualfürezetucasaofficialia; éstadestruyeelmundo, sostientalajusticia. Lasoberviaeira, quenonfalladoquepa, avarizaeloxuria, queardenmásqueestepa, gula, envidia, acidia, quespegancommolepra, de la cobdicia nascen, es dellas rraíz e cepa.*». - «Ведь алчность есть корень грехов и причина всех зол/она твоя старшая дочь: в ней ты помощь обрёл/она держит знамя, что твой осеняет престол/она развращая людей твой крепит произвол. Грехи, от которых столь тяжки людские невзгоды, неистовство коих не держат тугие поводья – гордыня и гнев, любострастье и чревоугодье/корысть, лень и зависть – суть алчности злые отродья» (с.49).

Грехи появляются в виде аллегорий, т.е. персонифицируются теологические концепты. Это связано с комбинацией морали и юмора, заключающейся в метафоре мёда или сахара, которые покрывают горькое. О каждом из грехов имеются отдельные эпизоды.

О грехе алчности рассказываются две басни. Первая из них о лягушках, попросивших у Юпитера короля, и их съел аист, который не смог погрузиться на глубину, место, где плавают чистые рыбы, связанное с духовным морем, где должен плавать человек. Вторая басня рассказывает о собаке, которая несла кусок мяса в зубах, и когда увидела его отражение в воде, захотела этот второй кусок мяса, и потеряла первый. Обычно в Средние Века собака являлась символом зависти.

Следующий грех, гордыня, описывается в эпизоде о лошади и осле, где лошадь от своей гордыни живёт хуже, чем осёл. В этом случае, лошадь является олицетворением гордыни, а осёл символизирует смирение.

Грех жадности сформулирован в басне о волке, козе и журавле. Волк воспринимается как образец неблагодарности, но в данном случае он связан с жадностью, потому что волк отказался платить журавлю за то, что тот спас его от смерти, когда тот подавился костью козы. Волк сказал, чтоб журавль не возмущался, потому что он мог бы его съесть. Для средневековых моралистов волк представляет собой различные пороки, такие, как гнев и обжорство.

Четвёртый грех – похоть, и описывается эпизод об орле, на которого охотились его собственными перьями, из чего исходит то, что похотливый человек сам является жертвой своей похоти. Орёл – двойственный символ, так как может быть изображением Христа, а также сатаны, поскольку считается хищной птицей.

Пятый грех – зависть, о которой рассказывается басня о павлине и вороне, где ворона от зависти одевается в перья павлина, чтобы выглядеть более красиво.

Для описания обжорства архиепископ использует басню о льве, который хочет съесть лошадь, но она его обманывает. В эпизоде о гневе также появляется лев в качестве главного героя. В этих двух последних случаях, лев является отрицательным символом. Вместе с ним появляются другие животные, такие

как кабан или осёл, которые обычно связываются с этими грехами в средневековом искусстве.

Наконец, лицемерие иллюстрируется с помощью рассказа о споре волка и лисицы, где волк обвиняет лисицу в преступлении, которое он сам обычно совершает.

Так, в этом первом эксплицитном изображении смертных грехов эпизоды с животными представляют собой как юмористическую сторону, так и отрицательные качества, которые им приписывались в средневековую эпоху, а именно: похоть – коза или обезьяна, лень – осёл, обжорство – волк, гнев – кабан, гордыня – лев, зависть – собака, жадность – крот.

Второй эпизод повествует о раскаянии Мясоеда (по-испански *don Carnal* – от исп. мясо, плоть) после битвы с Четыредесятницей (по-испански *doña Cuaresma* – великий пост). Если в первом эпизоде грехи воплощались в Любви, а после в разных животных, здесь представлены два элемента христианской литургии, которые символизируют сдерживание удовольствия и борьбу с искушениями. Так, армия Мясоеда состоит из яств – кур, кроликов, поросят, козлят, оленей и сопровождается вином. Эти животные, также в виде аллегорий, предлагают свои услуги Мясоеду, имитируя средневековый кодекс вассалов. В другой армии, Четыредесятница выступает в сопровождении фруктов и овощей. Эпизод битвы, как и грех обжорства, перекликается с проблемами того периода, такими как боязнь голода, в противоположность показному великолепию и кулинарной роскоши богачей.

После победы Четыредесятница приказывает Мясоеду держать пост и закрывает его в потайном месте. Там к нему приходит монах, который показывает ему, как следует молиться. Таким образом, появляются элементы раскаяния: *Quito quanto a Dios, que es Sabidor conplido; mas, quanto a la Iglesia, que non judga de ascondido, es menester que faga por gestos e*

gemido sinos de penitencia que es arrepentido. En sus pechos feriendo, a Dios manos alcando, sospiros dolorosos muy triste sospirando, signos de penitencia de los ojos llorando; do más fazer non puede, la cabeza enclinando.” Всеведущ Господь, волен грех отпустить он нам всякий/для церкви же наши грехи пребывают во мраке/и грешник обязан явить ей раскаянья знаки/и жестами скорбь выражать, и стенаньями паки” (с.202).

Затем, монах назначает Мясоеду, чтобы в каждый из семи дней недели, начиная с воскресенья, он съедал по одному овощу, каждый из которых символизирует один из смертных грехов: *“El día del domingo, por tu cobdicia mortal, conbrós garvancos cochos con azeite e non él; irás a la iglesia e non estarás en la cal, que non veas el mundo nin cobdicies el mal. En el día de lunes, por la tu sobervia mucha, combrás de las arvejas, mas non salmón ni trucha; irás oír las oras, non provarás la lucha, nin volverás pelea segund que la as ducha. Por tu grand avaricia mando te que el martes que comas los formigos e mucho non te fartes; el tercio de tu pan comerás, o las dos partes; para por Dios lo otro te mando que apartes. Espinacas conbrás el miércoles, non espesas, por la tu grand loxuria, comerás muy pocas desas; non guardaste casadas, nin a monjas profesas; por conplir adulterio fazías grandes promesas.* “За алчность твою ненасытную ешь в день воскресный/один лишь варёный горох, с постным маслом и пресный (...) А на понедельник тебе назначаю, дабы/гордыню умерить твою – есть одни лишь бобы (...) Воздастся тебе и

за скупость, не будет поблажки/во вторник не ешь ничего, кроме жиденькой каши (...) В четверг и за гнев, и за ложь должен ты поплатиться/солёная будет на ужин тебе чечевица (...) А в пятницу пища твоя – только хлеб и вода/за чревоугодье, которым грешил ты всегда (...) в субботу весь твой рацион – только миска фасоли/с приправой единственной – лишь со щепоткою соли”.

В третьем эпизоде, где описывается смерть сводницы доньи Урраки, архиепископ перечисляет оружия, которые должен иметь хороший христианин, чтобы победить смертные грехи. Это оружие состоит из милосердия, благотворительности и добродетелей. К каждому греху прикрепляются три вида оружия и определенное достоинство, с помощью которого можно искупить этот грех: гордыня – скромность, жадность – щедрость, похоть – целомудрие, гнев – терпение, обжорство – умеренность, зависть – добросердечие, лень – усердие.

В качестве вывода следует отметить, что изображение смертных грехов в “Книге о благой любви” формулируется посредством символических схем, имеющих семантическую ценность. Эти схемы предполагают синтез дидактико-моральных тем произведения. В результате этого, средневековый читатель мог определить эту имплицитную сущность в виде аллюзий, и благодаря им, понять полностью суть произведения, а также сделать выводы для своей жизни и поступков.

Литература:

1. Le Goff J. La civilización del occidente medieval. Barcelona: Editorial Paidós, 1999.
2. Oyola E. Los pecados capitales en la literatura medieval española. Barcelona: Puvill-Editor, 1979.
3. Ruiz J. Libro de buen amor. Madrid: Editorial Castalia, 1988.
4. Vasvari L. La digresión sobre los pecados mortales y la estructura del “Libro de Buen Amor”//Nueva Revista de Filología Hispánica, 1985. – T.34, № 1, p. 156-180.
5. Vetterling M. Los siete pecados capitales en el “Libro de Buen Amor a la luz de la teoría del entrelazamiento”//Actas del XIII Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas, Madrid 6-11 de julio de 1998. Vol.1, 2000, p. 244-248.

Ткачёва А. Хуан Руиснинг “Эзгу севги ҳақида китоб”ида “кечирилмас гуноҳ” концепти тасвирланиши. Мақолада испан ўрта аср адабиётида Хуан Руиснинг “Эзгу севги ҳақида китоб” асари мисолида “кечирилмас гуноҳ” концептининг эксплицит ва имплицит мазмуни кўриб чиқилади.

Tkachyova A. Demonstration of mortal sins in the “A good love book” by Khouan Ruisse. The explicite and implicate content of concept of “deadly sin” in Spanish Middle-Age Literature is described in this article on example of work of Juan Ruiz “The book about the good love”.
